
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И МИРАЖИ

Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия

Б.И. МАКСИМОВ

Автор рассматривает положение рабочих по различным параметрам, степень реализации социально-трудовых прав рабочих, ориентации рабочих на коллективные действия и сами реальные действия, актуальность, потенциальную роль и состояние рабочего движения в настоящее время, связь между положением рабочих и их социальной активностью. Используются различные источники информации (данные статистики, мониторингов, социологических опросов, наблюдений, публикаций). Статья отражает результаты исследования, выполненного по гранту от фонда Макартуров (2000—2001 гг.).

Услышит ли рабочих мир России?

Тема рабочего класса, рабочего движения сейчас не очень модна, звучит она преимущественно в среде левых политиков, общественных деятелей левой ориентации, да и то в основном номинально. Сами рабочие говорят, что «никакие деятели не приходят на завод, ни правые, ни левые», в том числе от партий, в название которых входит слово «рабочая». Одно из проявлений общественного игнорирования данной социальной группы — число ее представителей (всего два) в высшем законодательном органе страны. Даже в списке депутатов Думы от КПРФ лишь один рабочий (а все другие, по словам депутата от Кировского завода в Петербурге И.В. Захарова, «сплошь секретари обкомов и горкомов»). По телевидению депутата-рабочего показывают, как правило, в карикатурном виде. Положение или выступления рабочих на предприятиях тележурналисты обычно «не замечают», даже когда дело доходит до «тракторной войны», столкновений трудовых коллективов с отрядами типа «Тайфун», применявшими огнестрельное оружие против рабочих. Падение престижа данной социальной группы проявляется в нежелании молодежи «идти в рабочие».

Создается впечатление, что рабочих списали со счетов, используя как социальную силу, так сказать, в качестве тарана на первых этапах разрушения прежнего строя. Не рано ли списали?

Передовым отрядом (авангардом) рабочего движения считались, как известно, питерские рабочие, и в частности рабочие Кировского, бывшего Путиловского, завода. На стене одного из заводских корпусов завода сохранились

Рабочие в период реформ

слова С.М. Кирова: «Не было в истории революционного движения России такого момента, когда бы не было слышно могучего имени путиловского рабочего». Но сегодня и могучий голос путиловцев, и рабочих легендарной Выборгской стороны почти не слышен ни на заводах, ни в «городе трех революций», ни тем более в масштабах страны. В законодательном органе страны — лишь один депутат от Кировского завода, можно сказать от Петербурга (рассказ о нем, кстати, заслуживает особого места), в городском же ЗАКСе — ни одного представителя от наследников боевого питерского пролетариата.

Дело, видимо, не только во флюгерных журналистах и политиках, вспоминающих о рабочих лишь во время предвыборных компаний, в качестве электората. Не в том ли причина, что рабочие сами все меньше заявляют о себе? В последнее время не появляются сообщения о мощных протестных волнениях-выступлениях рабочих типа «рельсовых войн», забастовках, так называемых коллективных трудовых спорах, стачкомах, рабочкомах и т. п. (главной протестной силой оказываются учителя). О питерских рабочих не говорится не только как об авангарде рабочего движения, но и вообще. Проводились акции протеста в связи с принятием нового Трудового Кодекса РФ. Но демонстранты состояли в основном из профсоюзных функционеров, среди которых рабочих тоже не густо.

Не остается ли констатировать, что рабочее движение в России фактически прекратило свое существование, не говоря уж о том, что оно потеряло свою актуальность и в силу исторических условий? Не устарел ли вообще классовый подход, не наступил ли закат рабочего движения в России, о наличии коего в Западной Европе говорит, например, Д. Лаперони? [Лаперони 1999, с. 68—69]. Услышит ли еще мир России питерских рабочих, заявят ли они о себе, а если заявят — будут ли услышаны? Что означает сегодняшняя «неслышность» рабочего движения? Результат замалчивания? Временный спад? Или действительно налицо кризис и даже разрушение этого общественного движения вследствие изменившихся исторических условий? Каковы факторы состояния социальной активности рабочих в настоящее время и в перспективе?

В контексте этих вопросов рассмотрим положение, ориентации на действия и реальные действия рабочих, уделяя при этом отдельное внимание их питерскому отряду*. Попутно отметим, как сказались на одной из основных социальных групп прогрессивные преобразования, имевшие высокие цели и не менее высокую цену.

* При рассмотрении положения рабочих, их социально-трудовых прав, используются результаты исследования, проведенного по гранту фонда Макаруров. При анализе использованы данные государственной статистики (Госкомстат РФ, Петербургкомстат), ВЦИОМа, региональных мониторингов — Мониторинга социально-экономической ситуации и рынка труда С.-Петербурга, Мониторинга социально-трудовой сферы промышленности Самарской области, комитетов по труду и социальной защите населения, центров занятости населения Петербурга, Самары, Кемерово (Кузбасс), территориальных органов по урегулированию коллективных трудовых споров, городских отделений Рострудинспекции, Федераций профсоюзов, профсоюзных организаций на предприятиях. Был осуществлен собственный анкетный опрос (массив около 800 человек, выборка районированная с отбором типичных объектов) проведены углубленные интервью с работниками различных категорий (около 150 респондентов). Предприняты исследовательские поездки в отобранные регионы для изучения региональных особен-

Сохраняет ли рабочее движение актуальность в принципе?

Вначале попробуем теоретически понять, сохраняет ли рабочее движение актуальность в настоящее время и в перспективе, существует ли в нем объективная необходимость, в чем состоит его потенциальное назначение в период реформ? Не является ли причиной видимого спада истощение задач коллективных действий рабочих? (хотя такого рода общественные явления не подчиняются категориям «нужно» или «не нужно»).

Если судить по взглядам некоторых социологов, даже занимающихся рабочим движением, не говоря уже об обывательских представлениях и воззрениях теоретиков (сторонников) либерализма, потребность в рабочем движении, если и существовала, то уже отпала. Так, «преодоление государственного социализма», в чем видел назначение рабочего движения в так называемый переходный период весьма уважаемый лидер специалистов из ИМЭМО РАН (ранее ИМРД) Л.А. Гордон, завершено. В дальнейшей поддержке рабочих победившее с их помощью «общественное устройство, при котором борьба наемных работников за справедливую оплату и достойные условия труда будет признана их неотъемлемым правом» [Гордон 1993, с. 54—56], очевидно, не нуждается. Протестная функция по отношению к существовавшей власти в период разрушения тоталитарного государства, согласно А.А. Темкиной [Темкина 1994, с. 63], выполнена. Осуществление функции гаранта (предотвращение рецидивов тоталитаризма), движение к демократическому капитализму, «к обществу с эксплуатацией наемного труда, но с политической демократией и с так называемой социальной рыночной экономикой, то есть с механизмами, обеспечивающими устойчивую и высокую степень социальной защиты трудящихся и их семей от рисков (опасностей) рыночно-конкурентной экономики», по Г. Я. Ракитской [Ракитская 1995, с. 18—19], уже не актуально, так как движение происходит к известному, отнюдь не демократическому капитализму, с которым Ракитская борется с не меньшей энергией, чем с прежним тоталитаризмом, в восстановлении коего она видела главную опасность.

Что касается сторонников либерализма, то перекроивший Россию на пути движения к рынку — в форме эволюции — Е.Т. Гайдар в своем труде «Государство и эволюция», явно противопоставленном известному произведению Ленина, рассматривая «социальные силы» и «точки опоры» эволюционных реформ, являющихся на самом деле революционными, даже не упоминает о рабочем движении. Ему в процессе «эволюции» изначально не нашлось (не было) места ни в качестве «социальной силы», ни «точки опоры» ни хотя бы «социального ограничения», о котором толковали реформаторы [Гайдар 1997].

Ряд авторов, объединенных международной ассоциацией «Ученые за демократию и социализм» (ныне движение «Альтернатива» и журнал с аналогичным названием), продолжают придерживаться марксистских взглядов на роль рабочего

ностей — в Самаре и Кузбасс. Рассматриваемое время — 1990-е — начало 2000-х годов — не имеет общепринятого названия. Для придания какой-то качественной характеристики мы назвали его периодом реформ, отдавая себе отчет в том, что это достаточно условное название.

Рабочие в период реформ

движения. В частности, один из последовательных социалистов Д. Мандел видел задачу рабочего движения в свержении «бюрократического, диктаторского» социализма и установлении истинного, демократического социализма [Мандел 1997, с. 2—3; Mandel 1996, р. 32—33]. Но он же вынужден отмечать, что парадоксальным образом «рабочий класс потерял осязаемое влияние на курс социальных преобразований; в лучшем случае он влиял на выбор средств и темпы перемен, но никак не на их направление» [Там же], а в настоящее время свергать бюрократический социализм уже поздно. Рабочие «проворонили» адекватный их интересам социальный строй. По поводу ведущей роли рабочего движения в настоящее время в среде социалистов идет полемика. Отдельные из них считают, что ведущей силой стала интеллигенция [Пригорин 1999, с. 2—22].

Упомянутый Д. Мандел полагает, что в условиях установившегося в России капиталистического строя, разрушения экономики рыночными реформами, одной их форм борьбы трудящихся с всевластием капитала является рабочий контроль, который выступает как возвышающаяся (более высокая) относительно традиционной профсоюзной деятельности ступень борьбы за власть. «Рабочий контроль — это своего рода двоевластие в экономике». Одна из главных функций контроля в условиях экономического кризиса — защита и подъем отечественного производства [Мандел 1999, с. 3—5]. Б.В. Ракитский отводит рабочему движению в процессе реформ оппозиционно-силовую роль. Он считает, что в настоящее время уже очень много высказано для программного обеспечения дальнейшего развития реформ; на вопросы «Что делать?» и «Что прекратить делать?» давно даны ответы. В политическую повестку дня встали не менее важные вопросы: «Кто сделает?» и «Кто заставит сделать?» [Ракитский 1999, с. 37—39]. Власти, другие политические силы бездействуют или проводят политику, не отвечающую интересам трудящихся. Рабочее движение могло бы стать социальной силой, способной «заставить делать». Нужен именно силовой подход, давление, причем в определенном направлении. Выход состоит в активизации самих рабочих. В развитие этого тезиса Ракитский решительно заявляет: «Требуется самостоятельное историческое выступление и самостоятельное историческое наступление трудящегося народа». Всё это можно делать в конституционном поле. Рабочие должны не только «заставить делать» (очевидно, власти), но и овладевать (некоторыми) властными полномочиями. «Наступление рабочего класса начинается с создания реального рабочего контроля, стачкома, совета депутатов трудящихся на предприятии, в посёлке, городе. Рабочий класс создаёт свои органы власти, у государственной власти ещё не находясь» [Там же].

Можно отметить, что упомянутые специалисты, как те, кто считают задачи рабочего движения исчерпанными, так и возлагающие на него ожидания, фактически исходят из некоей, той или иной, мессианской роли рабочего класса, следуя, очевидно, сознательно или неосознанно, марксистской парадигме, отводившей рабочему движению роль ведущей силы исторического развития. На наш взгляд, дело обстоит проще. Стоит напомнить, что даже в соответствии с марксистской теорией, рабочий класс осуществляет широкие изменения, действуя в своих интересах. Да, он улучшает положение других групп трудящихся, но — исходя из собственных целей (освобождая себя). Поэтому на первом плане надо видеть актуальные интересы самих рабочих, которые «вписаны» в их положение. А все последующее — «преодоление государственного» или удержание истинного социализма, установление рабочего контроля или развитие соци-

ального партнерства — вытекает (или не вытекает) из этих интересов. Разумеется, изменяя свое положение, рабочий класс выходит и на широкие преобразования (их, видимо, можно трактовать и как общественную миссию). Но это — в итоге*.

При таком подходе актуальность (или неактуальность) рабочего движения зависит в первую очередь от состояния положения рабочих: входит ли в их интересы изменить свое положение, в каком отношении и направлении, каким путем, нужны ли коллективные действия?

Рассмотрим положение рабочих как первую предпосылку их коллективных действий, в том числе как одной из основных социальных групп, а также в течение 1990-х — начала 2000-х годов, чтобы попытаться понять тенденции изменений.

«Новые бедные» (и униженные)

Рабочих — в альтернативу богатым «новым русским» — можно назвать «новыми бедными», наряду с учителями, другими бюджетниками, депривированных не только в материальном плане, но и во многих других отношениях, в том числе униженных морально. Конечно, отдельные группы рабочих могут причислить себя даже к модному среднему классу. Социальная дифференциация среди рабочих, вероятно, не менее сильна, чем в обществе в целом. Даже на одном предприятии заработки рабочих разных производств различаются в 3—4 раза. Но большая часть этой социальной группы оказалась в незавидном положении по многим параметрам. Отметим некоторые из них.

Занятость в 1990-е годы постоянно носила кризисный характер. Число безработных рабочих было более высоким, чем в других профессиональных группах (так, в 1998 г. оно достигало 15,7 % при среднем уровне безработицы 13,3 %). Удельный вес рабочих среди безработных доходил до 60 %. Происходили известные массовые сокращения работников, в первую очередь рабочих. Нагрузка на одну вакансию доходила до 27 человек. Неполная занятость в промышленности была в 2—2,5 раза выше средней. Это также касалось прежде всего рабочих. (Положение рабочих по параметру занятости в 1990-е годы показано в табл. 1 и 2.)

Если суммировать безработицу и неполную занятость, учесть продолжительность поиска работы, замещение одних групп незанятых другими, то общее число рабочих, прошедших состояние незанятого, превосходит в 1,4 раза их полную численность. Можно также сказать, что 1/3 рабочих в середине 1990-х годов в течение нескольких лет были лишены возможности — полностью или частично — нормально трудиться. В петербургском мониторинге социально-экономической ситуации и рынка труда применяется понятие критической зоны

* Особую позицию в вопросе о роли, целях рабочего движения занимает В. П. Дудченко, активный участник коллективных действий горняков (НПП). Он отмечает склонность общественных деятелей «внедрять в жизнь собственные схемы рабочего движения». На деле же оно имеет свои имманентные цели и задачи, обычно не сформулированные в политических терминах, весьма подвижные, отвечающие интересам наемных работников в конкретной ситуации. «Остается относиться к нему как неисповедимой воле Господней» [Дудченко 1995, с. 8-9, 20, 22, 32].

Рабочие в период реформ

Таблица 1. Безработица в 1990-е годы

Год	Уровень безработицы, %			Нагрузка незанятых на одну вакансию, чел.	Продолжительность поиска работы, мес.
	Всего	Рабочих	Зарегистрирован		
1992	5,2	4,9	0,8	12,3	
1993	5,9	5,7	1,1	13,6	5,7
1994	8,1	8,2	2,2	17,5	6,6
1995	9,5	9,8	3,2	21,7	7,4
1996	9,7	11,1	3,1	26,5	8,2
1997	11,8	14,6	2,7	21,8	8,8
1998	13,3	15,7	2,7	27,1	9,1
1999	12,9	13,7	1,8	15,9	9,7

Источники: [Российский статистический ежегодник 2000, с. 121, 124; Труд и занятость в России 1999, с. 120, 167; Социальное положение... 2000, с. 65; Справка Госкомстата 2001 (Расчет автора статьи)].

Таблица 2. Неполная занятость в 1990-е годы

Годы	Работали неполный рабочий день (неделю)		Находились в вынужденных отпусках по инициативе администрации	
	Число работников, %	Неотработанное время, часов на 1 чел.	Число работников, %	Неотработанное время, часов на 1 чел.
1995	4,1		49,3	42,4
1996	7,2	27,8	15,8	50,3
1997	5,8	19,2	11,5	36,7
1998	10,1	18,9	11,1	34,9
1999	6,5	11,5	7,9	18,8
В промышленности, в 1998 г.				
1998	19,9	45	27,1	93

Источники: [Социальное положение... 2000, с. 77; Труд и занятость в России 1999, с. 220, 221].

рынка труда (КЗРТ), суммирующей незанятость. В КЗРТ в 1995—1999 гг. ежегодно находилось от 30 % до 45 % экономически активного населения [Мониторинг 1995-1999].

При этом лишь часть безработных были приняты на учет (например, 1,8 % в 1999 г. — см. табл. 1). Еще меньшее число признаны безработными (1,6 % в том же 1999 г.). Из них не все получали пособие по безработице. Таким образом, далеко не все безработные имели возможность использовать помощь в трудоустройстве от служб занятости, получать пособие. Простой, вынужденные отпуска нередко оплачивались ниже уровня, предусмотренного законом, или не оплачивались совсем.

Нахождение в состоянии безработного сопряжено с материальными и моральными лишениями, ущербом для здоровья. Только 6 % безработных рабочих, по данным нашего опроса, воспринимали свое положение как «приемлемое», остальные как «тяжелое», «трудно переносимое», как жизненную драму, трагедию. Опрошенные отмечали наиболее тяжелые стороны в положении безработного: «недостаток средств для жизни» (53 %), «неопределенность перспектив» (23 %), «моральное унижение» (16 %), «ответственность за близких, семью, детей» (11 %) и др.

В конце 1990-х годов ситуация с занятостью рабочих, как известно, существенно изменилась. Проявился дефицит рабочих кадров, особенно в промышленности, и в первую очередь в машиностроении, по специальностям металлообработки. Так, если в 1996 г. в Петербурге нагрузка зарегистрированных незанятых на одну вакансию составляла 3 человека, то в 2000 г. на одного безработного приходилось почти 4 вакансии. Машиностроительные предприятия столкнулись с дефицитом станочников, слесарей, сварщиков и т.п. По нашим данным, причина этого состоит прежде всего в истощении (разрушение, деградация) кадрового ресурса (потенциала) и затем в некотором (незначительном) оживлении производства.

В то же время наряду с дефицитом рабочих кадров сохранялась безработица, приобретающая характер структурной. Журнал Федерации профсоюзов С.-Петербурга и Ленинградской области в конце 2001 г. сообщал, что при недостатке более 30 тыс. квалифицированных рабочих свыше 26 тыс. человек в городе и области имеют статус безработного (только из зарегистрированных) [Единство 2001, с. 21]. В Самаре в 2001 г. сообщалось о высвобождении работников по сокращению штатов 107 предприятий. За 1-й квартал высвобождено 1448 человек, что в 1,6 раза больше, чем за соответствующий период прошлого года. По данным самарского мониторинга социально-трудовой сферы промышленности, 21,9 % рабочих работали в режиме сокращенного рабочего времени, 15,4 % находились в вынужденных отпусках, 37 % ощущали угрозу потерять рабочее место вследствие сокращения штатов [Мониторинг 2001]. В Кузбассе и в 2001 г. сохранялась высокая напряженность на рынке труда. Так, в Ленинске-Кузнецком на одну вакансию горнорабочего — ведущей профессии региона — приходилось 27 безработных шахтеров [Справка центра занятости 2001]. Продолжает сохраняться на высоком уровне неуверенность в своем положении и занятых (имеющих работу). По данным нашего опроса, 57 % работающих в 2001 г. испытывали страх потерять работу.

Таким образом, несмотря на отмеченное, казалось бы кардинальное, изменение ситуации с занятостью, положение рабочих в этом отношении остается кризисным.

По оплате труда, наиболее важному и одновременно самому проблемному параметру, положение рабочих в 1990-е годы также было тяжелым. Оно было хуже, чем у других групп экономически активного населения в сфере производства.

Номинальная заработная плата повышалась, но реальная постоянно падала. Тенденция сохранилась и к началу 2000-х годов. Так, в Петербурге в 1998—2000 гг. реальная заработная плата снижалась на 10—15 % в год (табл. 3).

Рабочие в период реформ

Таблица 3. Динамика реальной заработной платы (в % к 1991 г.)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всех работающих	67,3	67,6	62,2	44,9	50,8	53,2	46,0	41,3	37,1
В промышленности	72	66	58	45	51	53	48		
В СПб	64,9	65,2	60,1	43,3	49,0	51,4	44,4	41	37

Источники: [О дифференциации заработной платы... 2000, с. 3—4; Оплата труда... 2000, с. 5; Труд и занятость в России 1999, с. 299].

Индексация заработной платы обычно запаздывала, отставала от инфляции (только 5 % опрошенных отметили, что она проводилась ежеквартально, 49 % свидетельствуют об отсутствии индексации).

Наиболее болезненными задержки заработной платы были именно для рабочих, живущих «от получки до получки». В Петербурге существовали предприятия-рекордсмены, не выплачивавшие зарплату несколько лет (например, Ленполиграфмаш). Проблема, увы, осталась. В 4-м квартале 2001 г. на 439 предприятиях города работники не получили зарплату вовремя. Сумма долга составила более 485 млн рублей [Единство 2001, с. 21].

В категории промышленно-производственного персонала заработная плата рабочих была примерно на 1/3 ниже, чем зарплата служащих. Зарплата рабочих предприятий машиностроения и металлообработки, составляющих 46—36 % всех рабочих, в 1992—2000 гг. была еще ниже (табл. 4).

При оценке размера заработной платы важно применять адекватные критерии. Обычно сопоставляют заработок с прожиточным минимумом (ПМ). Зарплата рабочих превышала ПМ. Однако следует помнить, что ПМ отражает уровень почти физического выживания, он может быть приемлем в течение ограниченного времени. Но заработная плата рабочих ненамного превышала и прожиточный минимум, ее соотношение с ПМ регрессирует (см. табл. 4).

Более подходящими критериями являются уровень потребительской корзины, рассчитываемый профсоюзами, и субъективная норма среднедушевого дохода. Они приближаются к норме, отраженной (сформулированной) в международных документах в числе прав человека (Европейская социальная хартия, Всеобщая декларация прав человека и др.), ратифицированных Россией, отраженной, наконец, и в новом Трудовом Кодексе РФ. Нормальной называется «справедливая и удовлетворительная» плата, «обеспечивающая достойное человека существование», «достаточная для поддержания нормального уровня жизни для него и его семьи» [Европейская социальная хартия 1961; Всеобщая декларация 1998, с. 42, 572; Трудовой Кодекс РФ 2001]. Очевидно, что именно эти нормы и должны служить основными критериями оценки уровня оплаты труда.

Зарплата рабочих устойчиво составляла 0,4—0,6 потребительской корзины и субъективной нормы. И такая тенденция сохраняется. Это — по средней арифметической. Если же взять среднюю взвешенную, то, например, по данным Петербургкомстата, в 2000 г. основная часть (63 %) работников располагались ниже среднего уровня; соответственно у них соотношение заработка с ПМ, потребительской корзиной еще более худшее [Оплата труда... 2000, с. 20].

Таблица 4. Заработная плата промышленных рабочих в 1990-е годы

Год	Заработная плата промышленно - производственного персонала (тыс. рублей, с 1998 г. - руб.)			Отношение заработной платы рабочих к:		
	служащих	рабочих, в том числе машиностроения, металлообработки		зарплате служащих	прожиточному минимуму	потребительской корзине
1992	9,1	6,6	4,9	0,7	3,1 -2,3	0,5
1993	85,3	60,1	46,1	0,7	2,6 - 2,0	0,4
1994	309,3	211,7	163,8	0,6	2,2- 1,6	0,4
1995	739,6	480,1	373,6	0,6	1,6- 1,2	0,4
1996	1211,3	780,4	593,8	0,6	1,9- 1,4	0,6
1997	1494,3	937,9	725,7	0,6	2,0 - 1,5	0,6
1998	1758	1062	838	0,6	1,9- 1,5	0,4
1999	2755,1	1581,6	1393,5	0,5	1,6- 1,4	0,4
2000	4111,1	2359,7		0,5	1,5	0,5

Источники: [Труд и занятость в России 1999, с. 316, 319; Справка Госкомстата 2001].

Считается, что в настоящее время заработная плата составляет лишь часть (даже меньшую) доходов работающих. У рабочих, по нашим данным и данным самарского мониторинга социально-трудовой сферы промышленности области, заработок на основной работе составляет наибольшую часть доходов (до 90 % и более); большинство рабочих отмечают, что «других доходов у них нет» [Мониторинг 2001].

Это подтверждается и тем, что среднедушевой доход в семьях рабочих ниже их зарплаток даже с учетом дополнительных приработков. Этот доход наиболее верно отражает материальное положение рабочих, и он-то позволяет говорить о рабочих, как о «новых бедных», ибо на протяжении многих лет не превышает даже прожиточного минимума, уровень которого и официально считается верхней чертой бедности. Получается, что среднедушевой доход рабочих семей в 2001 г. был в 2 раза ниже черты бедности (табл. 5).

Не удивительно, что и материальное положение своих семей рабочие оценивали как ухудшающееся. Так, по данным ВЦИОМа, считали положение семьи «плохим» и «очень плохим» в 1993 г. 46,1 %, 1995 г. — 51,5 %, 1998 г. — 65,7 %, 2000 г. — 52,8 %, 2001 г. — 42,9 %. Доля расходов на питание в бюджете рабочих семей составляла 65—80 % [Экономические и социальные перемены 1993, 1995, 1999, 2000, 2001]. По данным мониторинга социально-экономической ситуации и рынка труда Петербурга, 55 % рабочих оценивают свой среднедушевой доход как находящийся ниже ПМ и 22 % — как соответствующий ПМ, т. е. 77 % считают, что находятся на грани физического выживания и ниже ее. Это значительно выше среднего числа бедных (24,4 % — в 1998 г., 33,2 % — в 1999 г.) [Мониторинг 2000].

Отмеченное повышение спроса на рабочие кадры в конце 1990-х годов мало изменило положение рабочих в материальном плане. По нашим данным, в 2001 г.

Рабочие в период реформ

Таблица 5. Среднедушевой доход в семьях рабочих

Год	Среднедушевой доход, тыс. рублей	Доля среднедушевого дохода		
		ПМ	в потребительской корзине	в субъективной норме
1997	611	1,32	0,38	0,35
1998	525	0,95	0,19	0,24
1999	649	0,65	0,17	0,23
2000	702	0,46	0,15	0,28
2001	1032	0,51	0,19	0,25

Источник: [Экономические и социальные перемены... 1998, 1999, 2000, 2001].

запрашиваемый заработок вырос в 1,5 раза (по данным ВЦИОМа даже снизился). Предлагаемый уровень оплаты и реальная заработная плата сдвинулись незначительно. Около 70 % рабочих отмечают отсутствие увеличения зарплаты в 2001 г. По показателю среднедушевого дохода 30 % рабочих семей находились на уровне ПМ, около 20 % — ниже его. Отсюда понятно, что эти рабочие относили свои семьи к «малообеспеченным», «не обеспеченным самым необходимым», «бедствующим». При этом наиболее сложным остается материальное положение рабочих машиностроительной отрасли, где проявился наибольший дефицит рабочих кадров и, казалось бы, должен повыситься их статус. По данным ВЦИОМа, в целом в РФ номинальная заработная плата и среднедушевой доход рабочих в 2001 г. по сравнению с 1999 г. повысились соответственно на 12 и 15 % [Экономические и социальные перемены 1999, 2000]. По нашим данным, и в 2001 г. в Петербурге только 23 % опрошенных рабочих считают, что их заработок позволяет «нормально жить». Далее отмечают: 53 % — «сводить концы с концами», 20 % — «лишь выживать». Материальное положение семей как «плохое» и «бедственное» отмечают 48 %. В Петербурге, по данным мониторинга социально-экономической ситуации и рынка труда, рабочие и в 2001 г. низко оценивали свое материальное положение (табл. 6).

Проявившийся дефицит рабочих имел такой «положительный» результат: рабочие получили возможность «сделать заработок» за счет переработок. Так, на предприятии «Буревестник» при исходном уровне дохода в 1600—1800 руб. (при выполнении 8 нормочасов) некоторые рабочие имеют заработок в 6000, 8000 и даже 12000: они почти каждый день остаются после окончания рабочего дня и работают все выходные.

Условия труда, по официальным данным Госкомстата, рабочих в 1990-е годы в основном сохранялись на прежнем уровне: более 1/5 работали во вредных условиях труда, в том числе около 15 % женщин. Уменьшилось число работающих на опасном оборудовании и пострадавших от несчастных случаев, но увеличилось количество случаев со смертельным исходом (табл. 7).

Несмотря на более или менее благополучные официальные данные, специалисты по условиям труда из профсоюзных организаций говорят об общей тенденции ухудшения условий труда. Так, по данным отдела охраны труда и экологии петербургской Федерации профсоюзов, от трети до половины рабо-

Таблица 6. Оценка рабочими своего материального положения (число отметивших, в %)

Можем купить товары длительного пользования	2,2
Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды	24,8
Денег хватает только на продукты питания	58,1
Денег не хватает даже на продукты питания	14,8

Источник: [Мониторинг 2000].

Таблица 7. Состояние условий труда в 1990-е годы

Год	В промышленности			Число пострадавших от несчастных случаев на 1000 работающих, %		Число имеющих профзаболевания на 10 000 работающих, %
	Работали в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, %	Заняты тяжелым физическим трудом, %	Работали на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности, %	Всего	Со смертельным исходом	
1990	17,8	2,7	-	6,6	0,129	1,96
1991	21,4	2,8	1,8	6,5	0,128	2,08
1992	21,4	2,7	1,5	6,2	0,131	1,88
1993	21,6	2,9	1,1	6,3	0,139	1,85
1994	21,4	2,7	1,0	5,9	0,133	1,81
1995	21,2	2,7	0,7	5,5	0,138	1,82
1996	21,3	2,7	0,6	6,1	0,155	2,33
1997	21,2	2,8	0,6	5,8	0,148	2,31
1998	21,4	2,9	0,5	5,3	0,142	1,86
1999	21,3	3,0	0,5	5,2	0,144	1,77
В том числе женщины						
1998	14,9	1,0	0,3	2,7	0,020	0,95
1999	14,3	1,0	0,3	2,6	0,020	0,84

Источники: [Труд и занятость в России 1999, с. 242, 257, 264; Условия труда... 2000, с. 329].

тающих в материальном производстве трудятся на рабочих местах, не отвечающих санитарно-гигиеническим, эргономическим требованиям и правилам техники безопасности. Темпы роста травматизма и профессиональной заболеваемости составляют до 30 % в год. Увеличивается тяжесть производственных травм, выросло число пострадавших со смертельным исходом [Барков 2000, с. 84—88]. В Самаре увеличивается число занятых во вредных условиях труда (стало более

Рабочие в период реформ

25 %) [«В интересах людей»... 2000, с. 60—66]. В Кузбассе продолжает сохраняться высокий уровень производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом. Так, при среднем числе пострадавших по РФ в 1995—99 гг. 5,3 %—6,1 % в Кузбассе коэффициент составлял 10,7 %—12,4 %, в угольной промышленности 32,4 %—36,8 %, в том числе со смертельным исходом 0,360 — 1,129 (при среднем уровне 0,138 — 0,142). Человеческая цена добытого угля не падает. Так, в управлении «Кузнецкуголь» на 100 тыс. т добычи (работа в течение 2—3-х сут.) приходится в среднем один смертельный случай [Вести профсоюзов Кузбасса 2000, с. 37—39; Информационный материал... 2000, с. 33—36].

Сами рабочие дают скорее отрицательную, чем положительную оценку условиям труда. По нашим данным, считают условия труда безвредными 27 % опрошенных рабочих, оборудование безопасным — 40 %, состояние техники безопасности хорошим — 24 %, труд легким физически — 29 %, получают компенсации, льготы полностью — 17 %. Остальные дают отрицательную оценку условиям работы, состоянию оборудования и техники безопасности, физической тяжести труда и выплаты компенсаций. В Самаре более 40 % опрошенных отмечают ухудшение здоровья и причины этого видят в большой перегрузке на работе, во вредных условиях своего труда и плохих условиях на предприятии в целом [Мониторинг 2001]. В Кузбассе 72 % опрошенных нами оценивают состояние техники безопасности как «плохое», 66 % отмечают повышение опасности работы, 10 % — что «уже имеют производственные травмы».

В положении рабочих по таким показателям, как нормальное рабочее время, время для отдыха, социальное страхование, имеются изменения в худшую сторону. 8-часовой рабочий день в 1990-е годы в среднем соблюдался, но колебания длительности рабочего дня были велики — от 1,5 до 10 и более часов в день. В 2001 г. только 24 % опрошенных утверждали, что у них не практикуются сверхурочные работы и не приходится трудиться в выходные дни. Пример «Буревестника» уже приводился. При этом лишь часть сверхурочных оплачивалась (и оплачивается) по повышенному тарифу. Таким образом, если раньше бедствием были простои, вынужденные отпуска, то сейчас на смену им пришли переработки, повышенная интенсивность трудовой деятельности в течение рабочего дня.

Ежегодные отпуска, оплата больничных, а также декретных для женщин казались незыблемыми. Но вот и в Россию пришла «передовая» практика не болеть, не ходить в ежегодный отпуск и не получать пособие по беременности и родам. В 1990-е годы большинство рабочих продолжали использовать ежегодный отпуск. В то же время часть из них использовали отпуск частично или не использовали совсем. В 2000 г. в целом среди опрошенных их было 27 %, на частных предприятиях их число доходит до 68 % (табл. 8).

По данным нашего опроса, в 2001 г. 26 % рабочих брали больничные листки «всегда», 53 % — «в отдельных случаях» и 1/5 — «опасались брать больничные ввиду неодобрительного отношения к болеющим». Оплачивались «листки нетрудоспособности» тоже не всегда. Большинство (69 %) получали пособие по временной нетрудоспособности «полностью», примерно 1/4 — «частично» или не получали совсем (табл. 9).

Отпуск по беременности и родам женщины не могут не брать, но в значительном числе случаев работницы стали брать укороченный отпуск, не оформляют уход в декретный отпуск, а иногда вынуждены увольняться в связи с рождением ребенка. Большинство получают пособие полностью, значительное

Таблица 8. *Используют ли (берут ли) рабочие отпуск (число ответивших, %)*

	В среднем	Госпредпр.	ОАО	ЗАО	ООО	Частные предпр.
Используют полностью, всегда	73	82	84	67	50	31
Используют лишь частично	14	10	7	14	28	34
Не используют	13	7	7	19	22	34

Таблица 9. *Использование и оплата «листочков нетрудоспособности» (число ответивших, в %)*

Берут листки всегда	26
Берут в отдельных случаях	53
Опасаются использовать	20
Оплачиваются "листки нетрудоспособности" полностью	69
Оплачиваются листки частично	15
Не оплачиваются	11

Таблица 10. *Пособия по беременности, родам выплачиваются (число ответивших женщин, в %)*

Полностью, всегда	77
Частично	6
Выплата отсутствует	16

число опрошенных отмечают частичную выплату или отсутствие выплаты пособий по беременности, родам, уход в декретный отпуск без оплаты (табл. 10).

На частных предприятиях ограничение социальных выплат доходит до высокой степени. Такая практика имеет место и на акционированных предприятиях (особенно с преобладанием одного собственника). Например, на фабрике «Пекарь» (ЗАО, Петербург) после первого случая заболевания работнику рекомендуют «пройти оздоровительные процедуры», после второго предлагают уволиться.

В целом, по высказываниям в интервью, рабочие воспринимают свое положение как унижительное; лишения, тяготы считают взваленными на них как на наиболее низкую по статусу социальную группу.

Но отмечается и прямое моральное унижение, ущемление человеческого достоинства в трудовых отношениях. Эта сторона трудовых отношений в условиях российского капитализма становится весьма актуальной. Опрошенные рабочие поставили ее в число наиболее важных. Актуальность обусловлена значительной частотой случаев морального унижения на фоне повышения чувства независимости, собственного достоинства. В 2001 г. 13 % опрошенных отметили, что попадали в ситуации унижения достоинства «часто», 33 % — «иногда», т. е. почти половина респондентов прошла через моральные унижения. Особенно наглядно это наблюдать можно было на Выборгском ЦБК, где рабочим была брошена фраза: «Вам семью кормить нечем? Идите воровать. Или баб своих

Рабочие в период реформ

пошлите на панель». Здесь же рабочих за 1000 руб. наличными вынуждали принять хозяина, использовавшего насилие, и отказать в доверии директору, избранному коллективом. Как выражались рабочие, «людей ломали через колено».

Таким образом, по рассмотренным параметрам (далеко не всем) положение одной из основных социальных групп оказалось тяжелым в результате реформ, имевших целью «сделать как лучше». Во многих отношениях положение рабочих продолжает ухудшаться, по крайней мере по их субъективному восприятию.

Новые бесправные

Если рассмотреть положение рабочих в ракурсе реализации (соблюдения) их социально-трудовых прав, то эта социальная группа оказывается не только бедной (и униженной), но и бесправной. Правовой аспект обычно выпадает из поля общественного внимания; например, правовую оценку ухудшениям условий труда никто не дает, не звучит тема нарушения прав человека в сфере социально-трудовых отношений. В частности, требования, выдвигаемые при проведении протестных акций, обычно не формулируются как правовые. Правовое поле как будто бы и не существует, хотя понятно, что просто лишения, трудности — это одно дело, нарушение же конституционных прав — нечто другое.

В сфере занятости ущемлялось конституционное право на труд, защиту от безработицы. При 27 безработных на одну вакансию право на труд для незанятых оказывалось формальным. Во время массовых сокращений нарушалось право на оставление на работе определенных категорий работников, на предоставление другой работы внутри предприятия. В горнодобывающих регионах при закрытиях шахт увольнялись все работники, независимо от того, что люди имели право быть оставленными, на предоставление другой работы.

Напряженность на рынке труда была связана с ограничением конституционного права на свободный выбор работы в соответствии со способностями, склонностями, по крайней мере специальностью, квалификацией. 38 % опрошенных отмечают, что работают не по своей специальности, квалификации; их профессиональная карьера рушится. Безработными оказывались в первую очередь женщины, неопытная молодежь, рабочие предпенсионного возраста, «неудобные» по характеру, взглядам рабочие.

Несмотря на повышение спроса на рабочих сохраняется, как отмечалось, структурная безработица со всеми своими последствиями — материальными, моральными, правовыми. Дискриминация захватывает и занятых. При отмеченном страхе у 57 % работающих потерять рабочее место и занятые, стремясь удержаться на работе, вынуждены мириться с тяжелыми условиями труда, работой не по специальности и т. п.

В оплате труда наиболее известным было нарушение права на своевременную выдачу заработной платы. Задержкам зарплаты давалась правовая оценка, были, как известно, приняты постановления о санкциях за задержки (сейчас они внесены в Трудовой Кодекс). Но почти неизвестны случаи привлечения работодателей к ответственности за нарушение весьма существенного права работников. Иногда рабочие обращались в суд и добивались таким путем выплаты зарплаты. Но санкции на нарушителей прав при этом не налагались.

Кроме бросающихся в глаза задержек заработной платы, существовало много менее заметных ущемлений прав в сфере оплаты труда (неполная оплата простоев, вынужденных отпусков, невыплата компенсаций, несвоевременная индексация заработной платы, произвольное определение размера заработка, пренебрежение системным нормированием, тарификацией труда, необеспечение для многих прожиточного минимума, не говоря уже о нормальной жизни (в соответствии с правами человека). Формальная планка минимального размера оплаты труда (МРОТ) была настолько заниженной (в 1999 г. она составляла 0,08 прожиточного минимума), что сама представляла собой вопиющее нарушение естественных прав человека. Некоторые работодатели использовали МРОТ, в частности «сажали» на него человека, от которого надо было избавиться, «уйти по собственному желанию».

Продолжалось использование женщин на вредных работах, прямо запрещенное законом, ставшее уже привычным, даже нормальным. Во многих случаях лиц, получивших профзаболевания, не переводят на другую работу, они продолжают трудиться в условиях, усугубляющих болезнь. Как отмечалось, более 80 % не получали компенсации, льготы по вредности полностью или частично. Повсеместно нарушалось право на нормальное рабочее время, время для отдыха. Не соблюдались нормы как частоты, так и продолжительности сверхурочных, переработок. Отмеченные выше случаи непредоставления отпусков, их неоплаты, невыплаты больничных, декретных представляли собой нарушения трудовых прав, входящих в число основных.

В период кризиса производства оказались разрушенными системы подготовки, повышения квалификации, продвижения рабочих кадров, соответственно ущемленным право на обучение профессии, профессиональный рост. В 1998 г. удельный вес профессий машиностроителей среди выпускников учреждений начального профтехобразования составил 1,5 % [Труд и занятость в России 1999, с. 276]. В петербургских профтехучилищах доля этих профессий уже в 2000 г. составляла 2 % — около 4000 человек на весь промышленный гигант [Деловой Петербург 2000, с. 19]. По данным нашего опроса, 86 % рабочих не повышали квалификацию и не продвигались по работе в течение 5 лет и более.

Рабочих отодвинули от участия не только в общественно-политической жизни, но и от управления на своих предприятиях. Акционерное участие, оставшееся основной формой на приватизированных предприятиях, также почти сошло на нет. Большинство рабочих — именно они в первую очередь — «избавились» от акций, а те, кто продолжает удерживать их, редко участвуют в собраниях акционеров (табл. 11).

Право на объединение (в профсоюзы) соблюдается формально ввиду формальности традиционных профсоюзов. Но когда профсоюзы становятся действующими, альтернативными, особенно профсоюзы рабочих, право на объединение тут же нарушается. Случаи гонений на альтернативные профсоюзы, как известно, многочисленны. Пожалуй, можно сказать, что все существование альтернативных профсоюзов представляет собой сплошную цепь гонений, притом как на уровне предприятий, так и в масштабе городов, регионов, страны. Так, Петербургская конфедерация труда, объединяющая альтернативные профсоюзы города, фактически лишена положенных ей по закону помещений, средств связи, транспорта. При этом, как известно, одним из главных недоброжелателей являются коллеги — традиционные профсоюзы.

Рабочие в период реформ

Таблица 11. Участие рабочих в акционерных собраниях (доля опрошенных, в %)

Участвуют каждый год	4%
Присутствуют иногда	5%
Не участвуют	86%

Право на трудовые споры также остается формальным. Так, в КТС на «Буревестнике» за 2000 г. не поступило и не было рассмотрено ни одного заявления (на предприятии численностью более 800 человек). Из интервью: «Обращение в КТС или в означает решить, что ты больше на предприятии не работаешь. Уже проверено». Профсоюзные лидеры говорят, что «спор (коллективный) затевать бесполезно, через примирительные процедуры не продрагаться, до забастовки дело не доведешь, а без нее никого не напугаешь».

Можно сказать, что из-за многочисленности нарушений социально-трудовых прав рабочих создается как бы (общее) неправовое поле, вызывающее у рабочих соответствующий настрой («неправового восприятия»).

Итак, положение рабочих в 1990-е годы было тяжелым в материальном и моральном планах, в правовом отношении (аспекте), объективно и по субъективному восприятию. Оно выглядело одним из худших среди групп экономически активного населения, оказывалось буквально нетерпимым в отдельных известных отношениях, в отдельные, также известные, моменты периода реформ. По известной шкале «социальное терпение» до 60 % рабочих отмечали формулировку «терпеть наше положение уже невозможно [Деловой Петербург 2000]. В начале 2000-х годов положение рабочих заметно улучшилось, пожалуй, только в одном отношении — перестали быть массовыми задержки заработной платы (хотя проблема, как отмечалось, не исчерпана). Отсюда в интересы рабочих очевидно входит стремление изменить свое положение, и оно, таким образом, остается потенциальной предпосылкой рабочего движения. Для реформаторов рабочее движение оказалось ненужным, даже опасным, и они его «завинули». Но для самих рабочих, вероятно, осталось актуальным выражение, что «никто не даст избавленья» — без их собственной активности, при этом — в силовом варианте. Одним из путей изменения положения рабочих было бы их воздействие на ситуацию в экономике в целом, на ход общественных преобразований.

Но как выглядят при этом ориентации на действия и реальные действия рабочих?

Готовность действовать

Судить об ориентациях на действия можно, видимо, в первую очередь по готовности участвовать в акциях протеста (по крайней мере, по этому показателю имеется информация). По данным ВЦИОМа, ориентации рабочих, в сопоставлении с другими социальными группами (по стране в целом), выглядят следующим образом (табл. 12).

По данным региональных мониторингов в Самаре и Петербурге, уровень готовности рабочих к протесту в этих городах ниже, чем по стране в целом; но это, очевидно, происходит в основном вследствие разницы в самих мониторингах.

Таблица 12. *Готовы лично участвовать в акциях протеста (доля опрошенных, в*

	1993	1995	1997	1998	1999	2000	2001
Рабочие	35,5	31,8	28,7	28,8	35,0	27,5	27,4
Служащие	30,9	29,1	13,1	18,5	31,8	16,1	16,9
Специалисты	23,7	20,1	16,7	16,5	30,4	24,3	17,4
Руководители	18,5	14,8	18,6	26,3	17,0	18,8	18,7

Источник: [Экономические и социальные перемены 1993; 1995; 1999; 2001].

Как можно оценить эти данные? Степень ориентации на коллективные действия значительно ниже уровня депривации, числа недовольных своим положением рабочих. Приведенные ранее данные показывали высокую степень неудовлетворенности рабочих различными сторонами своего положения. По данным петербургского мониторинга, около 70 % рабочих в 2000 г. считали, что «сегодня не обеспечиваются права на нормальную жизнь». Протестовать же в это время в Питере были готовы только 22,2 % [Мониторинг 2000, с. 49, 57].

Однако такое соотношение между числом недовольных и готовых к протесту можно считать нормальным, а уровень ориентации на действия все же оценить как достаточно высокий. Даже 1/5 настроенных на действия инициаторов (и тем более около 1/3 по данным ВЦИОМа) вполне способны в определенной ситуации возбудить, вовлечь в акции весь трудовой коллектив.

Среди других социально-профессиональных групп рабочие не очень выделяются решимостью (готовностью) выступать, даже по сравнению с такой далекой по положению группой, как «руководители». Это объясняется известным обстоятельством: имеет место в основном не противостояние между наемными работниками и работодателями (в лице «руководителей»), а совместная борьба тех и других против общего «противника» (главным образом властей). Кроме того, рабочие обычно выступали в составе всего трудового коллектива, «за весь коллектив». При этом относительно протеста им все же принадлежит ведущая роль.

Уровень ориентаций на действия достаточно устойчив, хотя и колеблется по месяцам и годам. Если усреднить данные, настрой будет выглядеть почти постоянным. Есть основания предполагать его сохранение и далее. По материалам, в том числе интервью, в начале 2000-х годов ориентация на протестные действия уменьшается, что, видимо, еще не уловлено мониторингами. Снижение имеет ситуационный характер.

Ориентация на протест, разумеется, не составляет всего спектра установок на изменение положения. Имеют место установки на конструктивные действия (обращение за решением вопросов к администрации, сотрудничество с ней, повышение интенсивности своего труда, квалификации, статуса, переход на другую работу, реализация своих прав через профсоюзы, в том числе посредством коллективных договоров и т. п.). По данным интервью, удельный вес таких ориентаций увеличивается. Например, 34 % опрошенных полагают, что «надо применять методы рабочего контроля на производстве», использовать участие в принятии решений на акционерных собраниях.

Судить о тенденции в реальных действиях рабочих также можно в первую очередь по протестным акциям. Наиболее известные из них (и учитываемые) —

Рабочие в период реформ

Таблица 13. Забастовки в 1990-е— начале 2000-х годов (число предприятий, организаций, на которых прошли забастовки)

Год	Всего	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Всего в данн. отрасли	Число участников (тыс.)
1990	260	199	10	10	229	87,9
1991	1755	324	16	44	384	168,7
1992	6273	63	14	68	145	53,6
1993	264	176	45	13	234	118,7
1994	514	209	8	8	125	117,6
1995	8856	220	11	25	256	158,8
1996	8278	527	34	28	589	379,9
1997	17007	272	38	84	394	209,9
1998	11162	228	24	34	286	132,3

Источники: [Труд и занятость в России 1999, с. 224; Российский статистический ежегодник 2000, с. 133].

забастовки. В данном контексте имеет смысл выделить забастовки в промышленности, строительстве, связи и на транспорте, где наиболее вероятно участие рабочих (табл. 13).

Число реальных участников забастовок значительно меньше массы недозволенных и ориентированных на протестные действия, но и это соотношение можно считать нормальным. В забастовках в течение года участвовали 1—3 % всех рабочих. Если принять во внимание накапливающееся по годам число участников, то такой уровень забастовочной активности следует оценить как достаточно высокий. Надо, разумеется, иметь в виду, что не все выступления в форме забастовок учитываются госстатистикой.

Динамика забастовок неравномерная, имеет два пика (в 1991 г. и 1996—1997 гг.) и два спада. Наличие спада в начале 2000-х годов подтверждают и данные интервью. Все же этот спад не свидетельствует о тенденции прекращения забастовочных выступлений; он, как и спад ориентаций (установок), обусловлен ситуационными факторами.

По результатам нашего анализа, забастовки составляют 1/3 всех видов протестной активности. Основную часть занимают выступления в форме обращений, заявлений, митингов, шествий, пикетов учреждений, голодовок, перекрытие трасс (улиц), взятие под контроль предприятий, изолирование руководителей и др. Охват такими формами протеста составляет до 10 % всех рабочих в течение года. В Петербурге было довольно много конфликтов с противостоянием трудовых коллективов новым собственникам; ведущую роль в этих конфликтах обычно играли рабочие (правда, иногда их использовали собственники в разборках между собой). Широко известными затяжными были конфликты на Выборгском ЦБК, металлическом заводе, комбинате цветной печати, фарфоровом заводе им. Ломоносова, «Красном треугольнике», Балтийском заводе, «Русском дизеле».

Количество незабастовочных акций в начале 2000-х годов также снизилось, но они не исчезли совсем. Продолжались выступления под руководством альтернативных профсоюзов (например, рабочих Октябрьской железной дороги).

Итак, динамика ориентаций на действия и самих реальных коллективных действий рабочих неодинакова в различных направлениях и в разные периоды времени. В целом все же настрой на действия сохраняется, уровень реальной активности также снижается незначительно. Можно, видимо, сделать вывод, что голос рабочих будет звучать и в будущем.

Факторы рабочей активности

В качестве первого фактора (предпосылки) активности рабочих мы рассматривали их положение. Но здесь надо отметить (известную) неоднозначность связи между положением и действиями рабочих, относительной (и абсолютной) депривацией и рабочим движением [*Здравомыслова* 1993, с. 24—26]. На практике с началом радикальных реформ, кризисом производства положение рабочих пропорционально в целом ухудшалось, но протест рабочих не повышался. Рабочее движение почти не реагировало на наиболее существенные депривации — массовые сокращения. В Питере известен только один случай протеста рабочих по поводу сокращений в коллективе подразделения предприятия. Уровень рабочего протеста не повысился и при резком снижении жизненного уровня после дефолта 1998 г. Во второй половине 1990-х годов приходилось наблюдать обратное ожидаемому соотношение между положением рабочих и их социальной активностью: чем хуже становилось положение, тем молчаливее оказывались люди. Ухудшение положения вызывало психологическую подавленность. Таким образом, повышение активности рабочих можно ожидать не с ухудшением, а с улучшением их положения.

Из всех параметров положения рабочих действовал достаточно определенно (четко), пожалуй, один — злополучные задержки заработной платы. Они были главной предпосылкой протестных выступлений на уровне предприятий, городов, регионов и даже известных профсоюзных акций протеста в масштабах страны. По нашим данным, около 90 % протестных выступлений в 1990-х годах было связано с несвоевременной выплатой заработной платы (по другим данным — до 98 % случаев) [*Кольцова* 1998, с. 65]. Пик забастовок в 1996—1997 гг. приходился на период наибольшего распространения задержек заработной платы. Устранение невыплат столь же четко стало фактором прекращения протестных акций. Уменьшение задолженностей в конце 1990-х — начале 2000-х годов привело к снижению числа выступлений. Это было ситуационным фактором спада рабочей активности в начале 2000-х годов. Ярким примером является поведение шахтерского пикета на Горбатом мосту перед Домом правительства в Москве в 1998 г. Горняки выступили с масштабными требованиями, готовы были «стоять до конца»; как раз во время пикета произошел дефолт, давший дополнительные основания для протеста. 7 октября должна была состояться общероссийская акция протеста; оставалось подождать 2—3 дня — шахтеры могли стать во главе демонстраций и попытаться «поднять всю Россию», как они хотели. Но, несмотря на все предпосылки, стоило правительству подписать протокол о погашении задолженностей шахтерам, как пикет тут же был снят [*Максимов* 1999, с. 101—109].

Рабочие в период реформ

Как интерпретировать эту зависимость рабочей активности от, казалось бы несерьезной, причины? Саркастически отметить, что российские рабочие способны на коллективные действия только тогда, когда им полгода не дают зарплату? Видимо, более адекватным является толкование, что задержки зарплаты были наиболее трудно переносимыми лишениями, представляли собой ту крайнюю черту депривации, за которой, согласно теории, проявляется недовольство взрывного характера. Задержки представляли собой удобный повод мобилизации недовольства и проявления активности для лидеров профсоюзных организаций. На основании этой «несолидной» предпосылки происходили серьезнейшие выступления рабочих типа всеузбасской забастовки 1997 г., «рельсовых войн» 1998 г., акций на петербургских предприятиях (завод «Арсенал», морской порт и др.). Выступления по поводу задержек служили поводом для предъявления и других требований, вплоть до политических.

Ввиду исчезновения задержек требования рабочих сместились на претензии относительно размера заработной платы, условий труда и т. п. Это можно было наблюдать при выступлениях работников механических и радиомонтажных цехов на упомянутом «Буревестнике». Здесь рабочие поставили на первое место повышение размера оплаты в месяц (чтобы не приходилось «выгонять заработок» за счет переработок до 400 нормочасов), улучшение условий в производственных и бытовых помещениях, усиление роли коллективного договора.

Уровень классовой идентификации рабочих растет в результате утраты их иллюзий относительно положения совладельцев предприятий, усвоения психологии чисто наемного работника. Дефицит солидарности в 1990-х годах скрашивается ее проявлениями, например, во время конфликта на Выборгском ЦБК: работники нескольких питерских предприятий проводили забастовки, пикеты солидарности, собирали средства для работников ЦБК, цомогали им в организационном плане. Вследствие дефицита рабочих организаций мы считали рабочее движение обезглавленным. Но сами рабочие полагают отсутствие организаций в спокойной ситуации нормальным — они возникнут, когда появится необходимость. В Петербурге имеется несколько «боевых» рабочих профсоюзов (докеры, локомотивные бригады, машинисты метрополитена и др.). Действуют и городские организации, которые занимаются организацией пикетов, митингов, акций солидарности, сбором средств в помощь не получающим зарплату, протестующим. По линии альтернативных профсоюзов координирующие функции выполняют Петербургская конфедерация труда, Рабочая академия, только что созданная Партия труда. Самое же главное состоит в том, что, по словам рабочих, «рабочие организации могут возникнуть как бы мгновенно»; найдутся и лидеры. Цитированный ранее В. Дудченко отмечает высокую скорость образования, институционализации первых стачкомов. От разговора до образования стачкомов проходило лишь несколько часов. Вообще же, отмечает Дудченко, «в рабочем движении постоянных руководяще-организующих структур нет; они возникают под конкретные дела и существуют, пока для них есть работа» ... «Обычно отсутствуют сформулированные в политических терминах цели». Отсутствие этих атрибутов компенсируется выработанной в совместном труде способностью правильно и быстро понимать друг друга. Так, в 1989 г. «все происходило без какой-либо предварительной организационной подготовки и при фактическом запрете на забастовки. Вряд ли какая бы то ни было

организация при любом финансировании справилась бы с такой задачей» [Дудченко 1995, с. 20, 22, 32].

По данным нашего опроса, рабочие осознают ближние, насущные задачи, но почти не формулируют широкие (перспективные) цели рабочего движения, его роль в изменяющемся обществе, в ходе преобразований. Наряду с этим важно отметить, что рабочие все более отделяют свои интересы от устремлений руководства, работодателей, собственников, яснее осознают цели действий, вытекающие из положения наемных работников.

Одним из главных факторов рабочей активности является характер восприятия работниками своего положения. Прежде всего это восприятие лишений, тяжести положения, депривации не как нарушения законных прав, дискриминации (угнетение, эксплуатация), пренебрежения их интересами, а как трудностей, недостатков, в крайнем случае как некоторого притеснения. Правовое сознание еще не развито. Так, считая свое положение тяжелым, рабочие на вопрос, какие их права нарушаются, как правило, не могут сформулировать ответ.

При этом названные трудности воспринимаются в основном как неизбежные, почти как стихийные бедствия, неодолимые, во всяком случае на уровне предприятия, не зависящие от его руководства. Формула «на уровне предприятия сделать ничего невозможно» — общеупотребительна. Отсюда — протестовать против своего руководства не только «неудобно», но и бессмысленно. Из интервью: «Директор и рад бы помочь, но ничего сделать не может».

Принятию такой позиции способствует «понимание проблемы», «вхождение в положение администрации», использование собственной (как бы встречной, согласительной) интерпретации ситуации как безвыходной. Из интервью: «Если денег нет у завода, так хоть тресни — зарплату не дадут».

Ввиду всего этого реакцией на депривации является чаще всего не протест, а пассивность, «социальное смирение». Термин, уже использованный А.А. Сарно [Сарно 1996, с. 16—20], очень верно характеризует позицию российских рабочих. Смирение и терпение — вот главная реакция на депривации.

Покорное принятие трудностей как неизбежных и терпеливое молчание подпитываются так называемым новым страхом, который имеет всепроникающий характер, находится в основании всякого отказа от протеста, стоит только копнуть мотивы. Расположен он, по выражению рабочих, «на уровне спинного мозга». От ощущения страха не избавлены даже самые заслуженные, квалифицированные рабочие, так как и они попадают под сокращения.

Пассивности способствует еще одна черта настроения рабочих — стремление избежать ответственности за изменение своего положения, ожидание, что это сделает кто-то другой (государство, хозяин, профсоюз), включение в коллективные действия лишь по принципу вынужденной инициативы, подмеченной и сформулированной А. Алексеевым еще в советской действительности [Алексеев 1997, с. 15].

Все же наряду с покорностью, смирением, терпением рабочие ощущают несправедливость, унижение; отсюда возмущение своим положением, которое обуславливает ориентацию на действия и сами действия. Кроме того, социальное смирение присуще не всем группам рабочих. Установки на действия, выявленные в нашем опросе, говорят не в пользу ориентаций на рабочее движение. Превалируют не протест и не коллективные действия, которые можно было бы

Рабочие в период реформ

Таблица 14. Как рабочие предпочтут действовать при решении трудных вопросов (число ответивших, в %)

Обратиться к непосредственному руководителю	32
Можно надеяться только на себя	30
Обратиться к владельцам, администрации всего предприятия	9
Обратиться в суд	8
Надеяться на трудовой коллектив, помощь товарищей по работе	5
Добиться решения с помощью профсоюза	5
Обратиться в КТС	4
Обратиться в органы власти	4
Создать рабочую организацию, провести акции протеста	2

отнести к проявлениям рабочего движения, а индивидуальное решение проблем, чаще через обращение к руководству (табл. 14).

Как можно видеть, лишь незначительная часть опрошенных предпочитают прибегать к действиям протестного характера, использованию профсоюзов, помощи коллектива, товарищей по работе. Наибольшая часть ориентированы на обращение к руководству. Далее идет установка «надеяться на себя», что предполагает индивидуальный поиск выхода из ситуации — переход на другую работу, подработку, повышение интенсивности своего труда и т. п.

И все же, по высказываниям в интервью, установки на действия могут резко меняться в определенных ситуациях, например, при возникновении конфликта, вовлечении в него всего трудового коллектива.

По нашему пониманию, в настоящее время идет становление российского рабочего движения. Рассматривая его этапы, мы приходим к выводу, что сейчас имеет место не спад, а именно становление, хотя и кризисное [Максимов 2001, с. 32-38].

Из всех факторов может сыграть роль, определяющую судьбу рабочего движения, рост индивидуализма, обособленности, раздробленности — в соответствии с духом времени, идеологией либерализма. О значительном удельном весе этого фактора говорит большое число выбирающих формулировку «надеяться остается только на себя» (см. табл. 14). Из высказываний в интервью также следует, что уменьшается надежда на коллективные действия. Широкое рабочее движение находится как бы на перепутье, и вопрос о его дальнейшей судьбе остается открытым.

«Пороховая бочка»?

Рабочие, в том числе питерские, остаются, так сказать, «пороховой бочкой», находящейся в основании общественной пирамиды (нынешнего политического режима). Как отмечалось, уровень недовольства рабочих своим положением высок, по сути дела он не снижается. Недовольство носит генерализованный характер. В отличие от других социальных групп, неудовлетворенных отдельны-

ми сторонами жизни (например, учителей, медиков — задержками зарплаты, ее уровнем), рабочие оказались депривированными по всем направлениям: в экономическом, социальном, правовом, политическом плане. При этом ответственность за свое положение они возлагают на общий порядок, на «систему», на власти. Все больше отделяя себя от демократической власти, реформаторов, социальных групп, поддерживающих преобразования, они фактически оказываются не только (и, может быть, не столько) в противостоянии к работодателям, но в полной и весьма устойчивой оппозиции к властям, установившемуся социально-политическому режиму. Особенно ярко такая полная оппозиционность проявилась в упомянутом пикете горняков на Горбатом мосту в Москве, когда рабочие заявляли, что «менять надо все», начиная с центральной власти. По сути дела менять общественно-политическую систему; пикетчики предусматривали даже созыв учредительного собрания, которое должно определить общественный строй России. Если в начале перестройки рабочие, по крайней мере как потенциальная (и частично использованная другими) сила, работали против советского (коммунистического) режима, то теперь перешли в оппозицию к демократам, само имя которых стало нарицательно отрицательным.

Разумеется, «пороховая бочка» может и не взорваться, рабочие со своим недовольством так и останутся потенциальной силой, спящим вулканом, лишь в этом качестве как-то влияя на поведение властей, реформаторов, новых собственников. Какова вероятность пробуждения вулкана и какой характер может приобрести (широкое) выступление рабочих, если оно произойдет, — затасканного в выражениях «русского бунта» или «исторического наступления», по Ракитскому? Можно ли вообще сегодня ожидать от рабочих широких организованных действий классового характера? Ведь не считают же способными на такое, например, учителей, хотя по массовости и организованности выступлений они нередко превосходили рабочих (так, в 1997 г. из 17 007 бастовавших предприятий и организаций 15 610, т. е. 92 %, приходятся на коллективы работников просвещения, а на предприятия производственных отраслей в это же время только 394, т. е. около 2 % — см. табл. 13). Не является ли классовое выступление устаревшей мифологемой?

В наибольшей мере возможность взрыва обуславливают глубина депривации, напряженность недовольства, степень ориентации на действия и реальная практика коллективных действий рабочих. Предыдущий анализ показывал, что рабочие не очень превосходят другие социальные группы по названным показателям, к тому же роль их в качестве фактора коллективных действий неоднозначна. В то же время «опережение» рабочих выглядит неоспоримым. Что же касается организованности, радикальности, оппозиционной направленности выступлений, то рабочие доказали способность к этому опытом в новейшие времена. Руководители (директора), ненамного отличающиеся от рабочих по готовности участвовать в акциях протеста, иногда вставали во главе колонн демонстрантов и даже выкрикивали на Дворцовой площади вместе с рабочими: «Президента в отставку!», но пересмотра итогов приватизации они вряд ли потребуют. Рабочие же на конференции на Выборгском ЦБК в 1998 г. именно это требование выдвигали в числе первых. Более того, они призывали «добиваться возврата трудовым коллективам собственности, незаконно приватизированной, неэффективно используемой или разворовываемой». В интервью именно от рабочих можно услышать наиболее резкие, эмоциональные высказыва-

Рабочие в период реформ

ния в адрес режима, власти, политических деятелей, собственников. «Они» (начальство, владельцы, чиновники и т. п.) четко отделены у рабочих от «мы» в качестве абсолютных антиподов (противников), характеризуются как «хапуги», «грабители», «продажные твари» и т. п., которых «надо давить», «ставить к стенке», «выносить на лопате». Звучат выражения: «Мы с ними еще разберемся», «Скоро наши придут»... Режим нередко называется «не нашим», «оккупационным». Такие настроения рабочих перекликаются с настроением самых радикальных политических группировок; вероятно, в определенных ситуациях возможно их смыкание.

Роль спускового механизма, фитиля, если угодно, для «пороховой бочки» может сыграть тот или иной повод. Сами рабочие именно «подходящий повод» называют в качестве наиболее вероятного детонатора коллективных действий. Тогда произойдет и упоминавшееся «моментальное возникновение рабочих организаций», появятся лидеры. Так, начальным поводом самого мощного выступления шахтеров в 1989 г. послужило, как известно, всего лишь отсутствие мыла в душевой на шахте им. Шевякова. Далее события развивались, подобно ядерной реакции; «топливом» служило накопленное недовольство.

В ближайшей перспективе наиболее вероятными могут быть выступления такого же типа, какие имели место во второй половине 1990-х годов. Это в основном локальные выступления с требованиями частного характера. Всероссийские профсоюзные акции протеста прекратились — видимо, перестали быть нужными проффункционерам. Вектор претензий, как отмечалось, смещается на требования о повышении уровня заработной платы, ее стабильности, обеспечение «достойной жизни», благоприятных условий труда. Такие требования звучат в самых последних выступлениях, которые нам приходилось слышать.

Общими (широкими) целями коллективных действий рабочих, судя по их высказываниям, вероятнее всего, могут быть не коренное изменение общественного порядка, а завоевание своего «места под солнцем», своей доли в доходах, роли в общественной жизни и в какой-то мере — в политике, без взятия на себя власти, управления. Хотя рабочие и находятся в полной оппозиции к существующему режиму, они не представляют, чем его заменить, не выработали своей общественно-политической идеологии. Шахтеры выдвигали требование о созыве учредительного собрания, но на вопрос, установления каких порядков они будут требовать от собрания, не могли дать четких ответов; говорили только, что «будут зорко наблюдать за ситуацией».

Не исключено и «историческое выступление», по Ракитскому. Затишье в рабочем движении может быть обманчивым. В среде рабочих растет понимание, что частными мерами нельзя добиться существенного изменения своего положения. Как уже говорилось, 1/3 рабочих считают, что «надо применять рабочий контроль». Правда, 54 % опрошенных «не имеют понятия о рабочем контроле», однако в ходе выступления (конкретных коллективных действий) может произойти быстрое обучение.

Литература

Алексеев А.А. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (познание через действие). Петербургский филиал Института социологии РАН. СПб., 1997.

- Барков Н.В.* О роли профсоюзов в осуществлении общественного контроля за условиями, охраной труда и природоохранном законодательством // Профсоюзное движение в XX столетии и перспективы его развития. СПб, 2000.
- «В интересах людей труда»: Информационный сборник / Федерация профсоюзов Самарской области. Самара, 2000.
- Вести профсоюзов Кузбасса. Вып 2. Кемерово: Кузбасвуиздат, 2000.
- Гайдар Е.Т.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Евразия, 1997.
- Гордон Л.А.* Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М., 1993.
- Деловой Петербург. 2000. 10 ноября.
- Дудченко В.* Рабочее движение и политологи. Дороги рабочего движения // Старые записки. 3-я тетрадь. Истории. СПб, 1995.
- Европейская социальная хартия, 1961 г. Ч. 2, ст. 4; Всеобщая декларация прав человека, 1948 г. Ст. 23 // Международные акты о правах человека.: Сб. документов. М.: Норма-Инфра, 1998.
- Единство. 2001. № 11-12 (265).
- Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
- Информационный материал о работе Новокузнецкой территориальной организации за отчетный период 1995—2000 годы / Росуглепроф. Новокузнецк, 2000.
- Кацва А.* Забастовки и другие формы коллективного протеста трудящихся в России в 1997 г. //Альтернативы, 1998. № 2.
- Лаперони Д.* Социология социальных движений // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999.
- Максимов Б.И.* Трудовые коллективы, рабочее движение и профсоюзы в процессе трансформаций. СПб.: Наука, 2001.
- Максимов Б.И.* Шахтеры, власть, народ // Социологические исследования. 1999. № 4.
- Мандел Д.* Возможности и условия рабочего контроля в свете исторического опыта. Трудовая демократия. Вып. 24. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1999.
- Мандел Д.* Революция, контрреволюция и рабочий класс России. Препринт, 1997.
- Мониторинг социально-трудовой сферы промышленности Самарской области. 2001 г.
- Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Петербурга: Информационно-аналитический бюллетень. 1995—1999 гг., № 1—4.
- О дифференциации заработной платы в отраслях экономики Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1999 г., 2000 г.: Экономические доклады / Петербургкомстат, СПб, 2001.
- Оплата труда рабочих и служащих в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе—июне 2000 г.: Стат. бюллетень / Петербургкомстат. СПб, 2000.
- Пригарин А.* Будущее — за интеллигенцией (полемиические заметки) // Альтернативы. 1999. № 3.
- Ракитская Г.Я.* Состояние рабочего движения и перспективы России // Рабочая политика. 1995. № 2.
- Ракитский Б.В.* Самозащита трудящихся в обществе. Трудовая демократия. Вып. 25. М.: ИППС, 1999.
- Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000.
- Сарно А.А.* Социальное смирение — препятствие обновлению трудовой мотивации // Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Петербурга: Информационный бюллетень. 1996. № 2.
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000.
- Справка Госкомстата России, 2001 г.
- Справка центра занятости населения г. Ленинск-Кузнецкий. 2001 г.

Рабочие в период реформ

- Темкина А.Л.* Рабочее движение в Ленинграде — Петербурге (конец 80-х — начало 90-х годов) // Новое рабочее и профсоюзное движение в Ленинграде—Санкт-Петербурге (конец 80-х — начало 90-х годов). М.: РАФ ПРОФИО, 1994.
- Труд и занятость в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1999.
- Трудовой Кодекс Российской Федерации, 2001 г. Ст. 2.
- Условия труда в отдельных отраслях экономики Санкт-Петербурга и Ленинградской области / Петербургкомстат. СПб, 2000.
- Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1993, № 1; 1995, № 2; 1998, № 1; 1998, № 6; 1999, № 1; 1999, № 3; 2000, № 1; 2001, № 1; 2001, № 2.
- Mandel D.* The Former «State Socialist» World. Black Rose Books. Montreal; N. Y.; L., 1996.